

SIARHEI PADSASONNY

Uniwersytet Warszawski

 <https://orcid.org/0000-0001-9527-7878>

Антиутопии Фёдора Достоевского как преиллюстрация к тоталитаризму

ANTYUTOPIE FIODORA DOSTOJEWSKIEGO JAKO PREILLUSTRACJA DO TOTALITARIZMU

Streszczenie: W artykule analizowane jest występowanie antyutopii w spuściźnie Fiodora Dostojewskiego jako metagatunku literackiego. Autor bada szereg tekstów w powiązaniu z historią totalitaryzmu XX wieku, który objawia się w dziełach pisarza poprzez twórczą intuicję w kwestii uniwersalnych cech ludzkiej ontologii. Mechanizmy zła stanowią bowiem zjawiska ponadczasowe i nie są związane z konkretną przestrzenią. W kontekście kultury europejskiej aluzje antyutopii pisarza odczytywane są przede wszystkim w największych tragediach w dziejach współczesnej ludzkości: Holokaust i Wielki Terror. Ponadto autor przedstawia perspektywę realizacji zła w szerszej perspektywie.

Słowa kluczowe: antyutopia, Fiodor Dostojewski, metagatunek literacki, zło, totalitaryzm

FIODOR DOSTOEVSKY'S DYSTOPIAS AS A PRE-ILLUSTRATION OF TOTALITARIANISM

Summary: The article analyses the appearance of dystopias in the literary legacy of Fyodor Dostoevsky as a literary metagenre. The author examines a number of texts in relation to the history of the totalitarianism in the 20th century, which manifests itself in the writer's works through his creative intuition about the universal features of the human ontology. The mechanisms of evil are timeless phenomena and are not linked to a specific space. In the context of the European culture, the writer's allusions to dystopia are read primarily in the greatest tragedies in the history of modern humanity: the Holocaust and the Great Terror. In addition, the author presents the prospects of the realisation of evil in a broader perspective.

Keywords: dystopia, Fyodor Dostoevsky, metagenre, evil, totalitarianism

Современная культура насыщена опытом прошлого, в ней происходит переоценка явлений и событий, а пережитые негативные знания и навыки несут в себе дидактическую составляющую для личности. Имея в своей истории тоталитарную эпоху, человек, казалось бы, в состоянии не только дать однозначно отрицательную оценку, но и сделать всё, чтобы такой опыт не повторился в настоящем и будущем. Однако, коллективная память, подвергаясь идеологическим манипуляциям, очищается от целого ряда исторических фактов либо они интерпретиру-

ются в соответствии с актуальной политической доктриной. В словаре по истории идей *The Dictionary of the History of Ideas* концепт тоталитаризма связан с фашизмом в Италии, национал-социализмом в Германии и сталинизмом в России¹. Речь идет о европейских системах XX века, которые привели к трагическим по своим масштабам результатам.

Художественная литература является не только изображением постправды и ее интерпретацией автором, но и заключает своеобразное пророческое начало, когда категория времени в произведении устремлена в будущее. В особенности это характерно для жанра антиутопии. Борис Ланин отмечал: «Антиутопичность связана с функцией предупреждения»². Данная жанровая особенность четко себя проявляет в ряде уже классических антиутопий прошлого века (Евгений Замятин — *Мы* (1920), Олдос Хаксли — *О дивный новый мир* (1932), Джордж Оруэлл — *1984* (1949), Рэй Брэдбери — *451 градус по Фаренгейту* (1953) и пр.).

Творчество Федора Достоевского становится одним из образцов для праясновы антиутопии в мировой литературе на уровне метажанра. На данный аспект обратили внимание Владимир Кантор³, Эдвард Лобб⁴, Наталья Ковтун⁵, Грег Левицки⁶, Михаил Блюменкранц⁷ и др. Последний писал:

Эсхатологический пафос творчества Ф.М. Достоевского ярко воплотился в его утопиях и антиутопиях. К первому следует отнести сон Ставрогина о Золотом веке (глава *У Тихона*), сон Версилова и, конечно же, *Сон смешного человека*. К антиутопиям — сон Раскольникова на каторге и Легенду о Великом Инквизиторе как учебное пособие по основам антиутопии⁸.

¹ K.D. Bracher, *Totalitarianism* // P. Wiener, (ed.), *The Dictionary of the History of Ideas*, 1974, vol. 4, p. 407. См. оригинал: "IN THE strict sense of terminology, the concept of Totalitarianism originated with and was applied to Fascism in Italy, to National Socialism in Germany, and to the consolidation of Stalinism in Russia".

² Б. Ланин, *Воображаемая Россия в современной русской антиутопии* // Т. Mochizuki (ed.), *Beyond the Empire. Images of Russia in the Eurasian Cultural Context*, Hokkaido University, Sapporo 2008, p. 384.

³ В. Кантор, *О сошедшем с ума разуме. К пониманию контр­утопии Е.И. Замятина «Мы»*, «Слово/Word» 2011, № 72, <http://magazines.russ.ru/slovo/2011/72/ka15.html> [02.04.2023].

⁴ E. Lobb, *The Subversion of Drama in Huxley's Brave New World*, "The International Fiction Review" 1984, no. 11 (2), p. 94–101.

⁵ Н.В. Ковтун, *Русская литературная утопия второй половины XX века*, Томский государственный университет, Томск 2005.

⁶ G. Levicki, *Dostoyevsky extended: Aldous Huxley on the Grand Inquisitor, Specialisation and the Future of Science*, "Kultura i Polityka [Culture and Politics — Tischner European University Papers]" 2008, no. 2–3, p. 210–233.

⁷ М. Блюменкранц, *Эсхатологическая проблематика в творчестве Ф.М. Достоевского* // Того же, *В поисках имени и лица, Дух і літера* — Харьковская правозащитная группа, Киев–Харьков 2007, с. 192–199.

⁸ Там же, с. 192.

Данное представление следует несколько расширить как на смысловом, так и на типологическом уровнях. Уже в *Записках из мертвого дома*, произведении, основанном на личном опыте писателя, намечен центр лагерной прозы, через который можно проследить параллели в историческом прошлом и будущем. Арестованный в 1849 году по делу Петрашевцев, приговоренный к смертной казни, помилованный на эшафоте и отправленный в ссылку писатель проходит четырехлетнюю сибирскую каторгу. Всё это известные факты его жизненного пути⁹. Автобиографическое повествование Достоевского выступает преддверием тоталитарных лагерных испытаний для тех, кто не будет вписываться в новую идеологию. И здесь как нечто не равнозначное, но подобное по ряду факторов предстают гитлеровские и сталинские лагеря.

В эссе *Размышления об исчадии ада* (1973) Иосиф Бродский утверждал, что «сталинизм — это прежде всего система мышления и только потом технология власти, методы правления», когда произошла «конвергенция» добра и зла, когда нет ответственности, а это всех убийц в истории (Ленин, Троцкий, Че Гевара, Мао, Сталин, Гитлер и т. п.) делает одинаково ответственными¹⁰. Эссе Бродского невольно вступает в политическую дискуссию современности, а через данный концепт происходит вплетение литературной проблематики в действительность. Бродского беспокоит тема тоталитарного зла, которое, как он выражается, не является «понятием географическим». Еще одно эссе автора *География зла* (1977) появилось в «Литературном обозрении» только в 1999 году¹¹. Здесь Бродский обратился к феноменологии зла через роман Александра Солженицына *Архипелаг ГУЛАГ*, ставший эпическим обобщением уничтожения миллионов людей, «уничтожения большинства меньшинством»; сборник *Из-под глыб*, включающий и три статьи Солженицына: *На возврате дыхания и сознания*, *Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни*, *Образованщина*; а также *Книгу социалистической демократии* Роя Медведева. Для Бродского, «катастрофа не приходит извне: нация всегда и свой палач, и своя жертва». В этой национальной амбивалентности автор ссылается на классика:

⁹ См. подробнее: Л.И. Сараскина, *Достоевский*, Молодая гвардия, Москва 2013, с. 193–264.

¹⁰ И.А. Бродский, *Размышления об исчадии ада* // Того же, *Сочинения Иосифа Бродского*, т. VII, <https://pub.wikireading.ru/53768> [26.10.2022].

¹¹ И.А. Бродский, *География зла*, «Литературное обозрение» 1999, № 1, 1999, с. 4–8, http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=667 [25.10.2022].

В человеке две бездны, учил Достоевский, и он не выбирает между ними, но мечется как маятник. От маятника вылечить нельзя. Русское двоемыслие и двоееречие, сколь бы несимпатичны они ни казались, на самом деле указывают, что этот народ находится ближе к экзистенциальной сути бытия, чем какой-либо иной, предпочитающий правую или левую стенку часового футляра. Солженицын сам утверждает, что граница между добром и злом проходит не по географической карте, но через человеческое сердце¹².

Как и для Достоевского, зло находится внутри человека, является одним из признаков его экзистенции, а поэтому ошибочен исключительно его качественный анализ. В книге ГУЛАГ. Паутина Большого террора американско-британской журналистки Энн Эпплбаум читаем: «В своей основе сталинская и гитлеровская системы родственны между собой»¹³. Исторические примеры подчеркивают данную связь и схожесть, но имеется и существенное метафизическое отличие, которое не отражено в публицистике Бродского и исследовании Энн Эпплбаум. В цикле публикаций в издании „Gazeta Wyborcza” известного польского профессора, философа Зигмунта Баумана можно найти следующее фундаментальное рассуждение о гитлеризме и сталинизме:

Гитлеризм научил нас делать виноватыми других, а не себя. Сталинизм оставил после себя безверие в личность. До наших дней мы не освободились от этого наследия: либерализм выглядит условным, если миром правит статистика, опрос и рейтинг¹⁴ (здесь и далее перевод мой — С. П.).

В лагерном мире Достоевского национальная амбивалентность сходится с внешней виновностью. Своего рода парадоксом *Записок из мертвого дома* является слияние православно-соборного миропонимания и философского рационального взгляда на историческую справедливость. Отсюда уже хрестоматийные строки писателя о его «символе веры» в письме к декабристке Наталье Фонвизиной от конца января — 20-х чисел февраля 1854 года из Омска после выхода на свободу:

Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа,

¹² Там же.

¹³ Э. Эпплбаум, *ГУЛАГ. Паутина Большого террора* (Anne Applebaum, *GULAG. A History*, New York 2003), Московская школа политических исследований, Москва 2006, с. 29.

¹⁴ Z. Bauman, *Nieludzkosć jest w ludzkiej mocy* (3), «Gazeta Wyborcza», «Kraj», «Świąteczna», nr 126, wydanie z dnia 30/05/2009, s. 29. См. оригинал: „Hitleryzm nauczył nas szukać winy w innych, a nie w sobie. Stalinizm pozostawił po sobie niewiarę w jednostkę. Dotąd nie uwolniliśmy się od tego, dziedzictwa — liberalizm okazuje się pozorem, kiedy rządzi statystyka, sondaż, ranking”.

и не только нет, но с ревнивою любовью говорю тебе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной¹⁵.

Этому письму предшествует текст произведения, который завершается фразой будто бы пробуждения к жизни: «Да, с богом! Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута!»¹⁶ Мир каторги — это некое пространство мистификации, кошмарного сна, ада, из которого вырывается иной Достоевский. Так, в данном произведении прослеживается типологическое жанровое сходство с антиутопией. Записки предупреждают читателя о бесосновательном политическом преследовании. Произведение опирается на реальных событиях с субъективным изложением, что отходит от характерной черты антиутопии, согласно которой топос сюжета разворачивается в футурологическом или нереальном пространстве. В то же время художественная реальность текста выносит его за границы действительности, что позволяет говорить об иллюстративной модели, сравнимой с пространством антиутопии.

Первой прямой антиутопией в наследии Достоевского можно назвать *Село Степанчиково и его обитатели*. Антигерой Фома Опискин при помощи манипуляций, искажений правды и ложной идеологии подчиняет себе прочих персонажей, создает иллюзорное пространство лжи. Неостановленное зло представлено как диалектика жизни, фатум бытия. Через прием психологизма автор определял первопричину поступков Опискина: «Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет. Фому угнетали — и он тотчас же ощутил потребность сам угнетать; над ним ломались — и он сам стал над другими ломаться»¹⁷. Неспроста польский публицист Рышард Капуцинский, неоднократно обращаясь в своем наследии к Достоевскому при осмыслении феноменологии зла, заключал о повести *Село Степанчиково и его обитатели*: «Полвека перед укреплением Сталина в Кремле и перед приходом к власти Гитлера Михайловский с пророческой интуицией разглядел в образе Фомы Опискина протопласт обоих этих тиранов»¹⁸. Дар Досто-

¹⁵ Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1985, т. 28 (1), с. 176.

¹⁶ Там же, 1972, т. 4, с. 232.

¹⁷ Там же, 1972, т. 3, с. 9.

¹⁸ R. Kapuściński, *Magadan, pierwsze przybliżenie*, «Gazeta Wyborcza», nr 268, wydanie z dnia 14/11/1992, s. 10. См. оригинал: „Pół wieku przed umocnieniem się Stalina na Kremlu i przed dojściem Hitlera do władzy Michajłowski z proroczą intuicją dostrzegł w postaci Fomy Opiskina protoplastę obu tych tyranów”.

евского, скорее, заключался в умении видеть универсальные черты человеческой природы, которая подвергалась художественным экспериментам в мире его подпольных персонажей. Каждый из них делает следующий шаг в направлении зла, исследует границы, проходит через мастерство обходить мораль и совесть, открывает мир вседозволенности. А это и есть предиллюстрация уже известного и реализовавшего себя в истории XX века тоталитаризма.

Не был склонен видеть в Достоевском «политического пророка» Лев Шестов, о чем писал, например, в статье *Жар-птицы. К характеристике русской идеологии*, написанной в постреволюционный период. Философ замечал:

В последнее время очень много читают и перечитывают *Бесов* Достоевского. Хотят видеть и видят в романе великое пророчество. Давно уже, двенадцать лет тому назад, мне пришлось высказаться по поводу пророческого дара Достоевского. Я сказал тогда, что Достоевский не был и не мог быть политическим пророком, что он в политике очень мало смыслил. И что это хорошо. Великий художник не должен быть политиком, ибо кто будет политиком, тот потеряет дар художественного прозрения¹⁹.

И как раз «дар художественного прозрения» Достоевский не утратил, что себя проявляет в его наследии достаточно обширно.

Уже в первом большом романе *Преступление и наказание* до метафизики личностного бытия доведена идея вседозволенности, когда теории героя подчинены судьбы фактически случайных людей: «Убей и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленьце тысячами добрых дел?»²⁰. В этой реплике Родиона Раскольникова заключено отзеркаливание понятий, что является одной из манипуляционных риторических техник. Преступление не может быть сведено исключительно к цене за общественное благополучие. Антиутопическая идеология традиционна подменяется идеей социальной необходимости и справедливости, что можно наблюдать в последующих произведениях авторов жанра антиутопии, а также в оценках тоталитарной исторической правды. Профессор Оксфордского университета Джон Джоунс в научно-популярном фильме *Fyodor Dostoevsky's "Crime and Punishment"* (1987),

¹⁹ Л. Шестов, *Жар-птицы. К характеристике русской идеологии*, «Знамя» 1991, № 8, с. 189.

²⁰ Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1973, т. 6, с. 54.

представлявшем собой 58-минутную лекцию-комментарий к роману *Преступление и наказание*, сравнивал данное явление с мировоззрением Фридриха Ницше, а даже, как утверждал лектор, с фашизмом в XX веке, когда истребляется тот, кого другие признали социально ненужным, «вошью», а не человеком²¹.

Метафизическая сила зла разворачивается в полном объеме в романе *Бесы*, который литературовед Людмила Сараскина называла «романом-предупреждением»²², обратив внимание на связь с будущими текстами мировой литературы (Евгения Замятина, Ивана Бунина, Джорджа Оруэлла, Бориса Можаяева, Акутагавы Рюноске и др.) и историческими реалиями 30-х годов XX века, в которых легко узнаваемы политические реалии «нечаевщины» второй половины XIX века, получившие художественную трансформацию в крайних формах героев-идеологов в произведениях Достоевского. В иной своей книге Сараскина замечала: «Смотреться в зеркало *Бесов* в силу его разоблачительного эффекта и уникальной оптики было непеносимо даже для победителей»²³. Открывавший непривлекательную правду, роман попал под запрет советской власти в 1935 году. Тем более, что еще Ленин называл книгу «реакционной гадостью». Роман не печатался отдельным изданием вне собраний сочинений до конца 80-х годов прошлого века. В этом запрете прослеживается радикальная параллель с публичным сожжением книг «негерманского духа» в немецких городах в мае 1933 года, что выступает в качестве еще одного элемента схожести тоталитарных систем.

Сараскина делала вывод: «*Бесы* — при всей универсальности духовного опыта — прежде всего роман о путях *русской* революции, пророчество об ужасе *русской* истории»²⁴. При этом теория, «общественная формула» Шигалева, по его словам, о «земном рае» звучит как политический манифест лобой тоталитарной системы, устроенной на «безграничном деспотизме»:

²¹ J. Jones, *Fyodor Dostoevsky's Crime and Punishment*, https://www.youtube.com/watch?v=7ZIB2t_fkKE [29.04.2023].

²² Л.И. Сараскина, «*Бесы*»: роман-предупреждение, Советский писатель, Москва 1990.

²³ Л.И. Сараскина, *Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына)*, Русский путь, Москва 2006, с. 474.

²⁴ Там же, с. 479.

Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса, — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать. Меры, предлагаемые автором для отнятия у девяти десятых человечества воли и переделки его в стадо, посредством перевоспитания целых поколений, — весьма замечательны, основаны на естественных данных и очень логичны²⁵.

Данная теория становится сквозным мотивом творческой системы Достоевского. В январском номере *Дневника писателя* за 1876 год автор писал: «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке»²⁶.

Тема во всей полноте возвращается и разворачивается в главе *Великий инквизитор* в *Братьях Карамазовых*. В данном случае писатель представил вполне жанрово завершённую антиутопию, которая может анализироваться как самостоятельный элемент большого текста. Также может рассматриваться как антиутопия на уровне метажанра. Мотив контролируемого счастья достигает кульминации в творческой системе Достоевского через слова Инквизитора: «Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем приклониться»²⁷. Антиутопический жанр *Великого инквизитора* определяет антисистемный характер главы, независимо от того, на какую авторитарную или тоталитарную структуру ее накладывать при прочтении и интерпретировании. В случае с данным текстом происходит его выдвигание в координаты вне времени. Именно поэтому перенос интерпретации антиутопии в собственное историко-политическое поле является характерным явлением современности.

Достоевский изображает парадокс зла и его прощения. Сомнения Ивана Карамазова звучат как постправда тоталитаризма: «Я не бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять»²⁸. Польский историк Януш Тазбир трагические собы-

²⁵ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1974, т. 10, с. 312.

²⁶ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1981, т. 22, с. 31.

²⁷ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1976, т. 14, с. 231.

²⁸ Там же, с. 214.

тия массовых убийств XX века анализировал как сложные для принятия через христианскую аскетику избавления в страдании, когда рационально нельзя объяснить Холокост и сталинские лагеря лишь фразой о «Божьей любви»²⁹. Это и есть причина для «возвращения билета» Богу Иваном Карамазовым.

Историческое развитие и опыт тоталитарных катастроф показали, что необходимым является юридическое право, но с временным отдалением от трагедий фашизма или сталинизма, затиранием памяти страданий возникли новые угрозы, при которых Достоевский не мог утратить значимости. После пережитых главных трагедий человечества XX века — Большого террора и Холокоста — мир антиутопии в действии только усугубил свои методы и механизмы в различных странах: режим «Красных кхмеров» в Камбоджи, хунта Аугусто Пиночета в Чили, династия Кимов в Северной Корее, тирания Башара аль-Асада в Сирии, режимы Александра Лукашенко в Беларуси и Владимира Путина в России и пр. Список можно продолжать и дополнять, он не является предметом нашего исследования, хотя и служит историко-политической основой антиутопического осмысления.

Эпоха посттоталитаризма требует и нового подхода к поэтике произведений. Прежде всего, недопустимы конформизм и политкорректность. Здесь и переосмысление пасхальных основ наследия Достоевского, который приоткрывал возможность надежды и всепрощения, но современная перспектива через его антиутопии метажанра делает писателя автором с ярко выраженным ощущением экзистенциального конца. Коллективная травма жертв и палачей не привели к осознанию, покаянию, когда, как в финале *Преступления и наказания* героев «воскресила любовь»³⁰. Но и в этом воскрешении нет раскаяния Раскольниковова, декларирующего незадолго до последней сцены: «Совесть моя спокойна»³¹. Это именно те слова, которые Лев Шестов определил как «итог всей ужасной истории Раскольниковова»³², а Михаил Бахтин увидел в них пример карнавализации³³. Польский литературовед Рышард Пшибыльский сделал интересное замечание: «Глубина аргу-

²⁹ P. Wroński, *Krótkie dzieje Polaka katolika*, «Gazeta Wyborcza», «Magazyn», nr 25 (143), wydanie z dnia 21/06/2001, s. 6.

³⁰ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1973, т. 6, с. 421.

³¹ Там же, с. 417.

³² Л. Шестов, *Достоевский и Ницше (философия трагедии)* // Того же, *Апофеоз беспочвенности*, Рипол Классик, Москва 2000, с. 379.

³³ М.М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского* // Того же, *Собрание сочинений в семи томах*, Русские словари, Языки славянской культуры, Москва 2002, т. 6, с. 260.

ментации Раскольникова в *Преступлении и наказании* по-настоящему изумляет и не предстает чем-либо ослабленной. Сила этих аргументов могла существенно испугать верующих»³⁴. А в *Братьях Карамазовых* перспектива прощения тирана жертвой выглядит открыто утопичной.

Нельзя не затронуть еще один аспект в наследии Достоевского — обращение к «еврейскому вопросу». *Дневник писателя* за март 1877 года избилует тезами шовиниста-антисемита³⁵. Безусловно, важно обратить внимание на методологию исследования, чтобы избежать анахронизмов в осмыслении. Понятие антисемитизма конца XIX века в России кардинально расходится с тем, что вкладывается в него в посттоталитарный период. Русская история евреев характеризуется многовековым отторжением, когда еще Иван Грозный запретил торговые контакты с евреями из Польши; не желал их впускать в Россию и Петр Первый. Богдан Цивиньский, исследовавший влияние русского колониализма на целый ряд народов Восточной Европы, замечал: «Евреи, которые оказались на территории империи в результате очередных разделов Речи Посполитой, представляли собой для российских властей большую проблему»³⁶. Данная «проблема» решалась ограниченными мерами, которые превращали еврея в «вечного странника». Весь XIX век — это поиск властями им выгодного решения «еврейского вопроса», что было связано с очередными ограничениями и попыткой ассимилирования. Одним из результатов неэффективной политики стали погромы еврейских владений, особенно после покушения на царя Александра Второго в 1881 году³⁷. Именно социально-политические аспекты «еврейского вопроса» отражены и у Достоевского в *Дневнике писателя*, взгляд на который в данном случае должен проходить через вектор исторической поэтики.

Что касается антисемитизма посттоталитарного периода, то в нем тезы Достоевского могут выступать как инструментальные манипуляции. Публицистический текст современности писателя не отражает идеологических реалий нашего време-

³⁴ R. Przybylski, *Dostojewski i „przekłete problemy”*, Wydawnictwo: Sic!, Warszawa 2010, s. 212. См. оригинал: „Głębia argumentacji Raskolnikowa jest bowiem w Zbrodni i karze zdumiewająca i niczym nie osłabiona. Siła tych argumentów mogła istotnie przerazić wierzących”.

³⁵ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1983, т. 25, с. 74–88.

³⁶ B. Cywiński, *Szańce kultur. Szkice z dziejów narodów Europy Wschodniej*, Centrum Europejskie Natolin, Wydawnictwo Trio, Warszawa 2013, s. 564. См. оригинал: „Żydzi, którzy znaleźli się na terenie imperium w wyniku kolejnych rozbiorów Rzeczypospolitej, stanowili dla władz rosyjskich duży problem”.

³⁷ См. детально об истории вопроса: там же, с. 554–582.

ни. Такую функцию может исполнять лишь полифонический художественный текст, который, как мы отмечали выше, выходит за границы единичного хронотопа через универсальность метафизических проблем. А здесь наследие Достоевского, как замечал Николай Бердяев, насквозь антропоцентрично³⁸, что не имеет отношения к национальности.

Итак, на уровне метажанра Достоевский выступает одним из практиков-создателей антиутопии как жанра. Это, с одной стороны, имеет колоссальное значение в развитии всей мировой литературы, а с другой — обладает предупредительной функцией в исторической перспективе. Черты антиутопии, как видно, прослеживаются в ряде произведений писателя, что указывает на неслучайность данного явления. Основы антиутопии выступают ведущими мотивами художественного мира автора, что определяет структурно-смысловые особенности его произведений данного ряда: в центре всегда выступает личность героя-идеолога, создающего теорию ложного счастья и социальной стабильности; реализация таких установок связана с тотальным подчинением масс, а даже — истреблением; мир антиутопии помещен в критические координаты парадоксов совести, веры, любви, но у писателя нет однозначной морализаторской установки. Последний аспект ведет к двойным финалам в последующих антиутопиях, когда так называемый мир либо разрушается, либо поработывает героя. Эта особенность посттоталитарным читателем накладывается на историческую рамку, которая вмещает в себя разрушение целого ряда тоталитарных систем, даруя, вслед за Достоевским, надежду. Но писатель, как и историческое развитие, не закрывает вопроса, так как антиутопическое зло, как Верховенский из *Бесов*, не гибнет, а лишь временно куда-то исчезает, чтобы проявить себя в новом хронотопе и с новой силой.

Библиография

- Applebaum A., *GULAG. Putina Bolshogo terrora* (A. Applebaum, *GULAG. A History*, New York 2003), *Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij*, Moskva 2006 [Э. Эпплбаум, *ГУЛАГ. Паутина Большого террора* (A. Applebaum, *GULAG. A History*, New York 2003), *Московская школа политических исследований*, Москва 2006].
- Bakhtin M., *Problemy poetiki Dostoevskogo*, in: M. Bakhtin. *Sobranie sochinenij v semi tomakh*, *Russkie slovari, Jazyki slavyanskoj kultury*, Moskva 2002, t. 6,

³⁸ Н.А. Бердяев, *Мирозерцание Достоевского* // Того же, *Философия творчества, культуры и искусства: в двух томах*, Искусство, Москва 1994, т. 2, с. 7–150.

- pp. 5–300 [М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского* // М. Бахтин. *Собрание сочинений в семи томах*, Русские словари, Языки славянской культуры, Москва 2002, т. 6, с. 5–300].
- Bauman Z., *Nieludzkość jest w ludzkiej mocy* (3), „Gazeta Wyborcza”, „Kraj”, „Świąteczna”, nr 126, wydanie z dnia 30/05/2009, s. 29.
- Berdyayev N., *Mirosozercanie Dostoevskogo*, in: N. Berdyayev, *Filosofiya tvorchestva, kultury i iskusstva: V dvukh tomakh*, Iskusstvo, Moskva 1994, t. 2, pp. 7–150 [Н. Бердяев, *Мирозерцание Достоевского* // Н. Бердяев, *Философия творчества, культуры и искусства: в двух томах*, Искусство, Москва 1994, т. 2, с. 7–150].
- Blumenkranc M., *Eskhatologicheskaya problematika tvorchestva F.M. Dostoevskogo*, in: M. Blumenkranc, *W poiskakh imeni, Dukh i litera* — Kharkovskaya pravozashchitnaya gruppa, Kiev–Kharkov 2007, pp. 192–199 [М. Блюменкранц, *Эсхатологическая проблематика в творчестве Ф.М. Достоевского*, // М. Блюменкранц, *В поисках имени и лица, Дух и літера* — Харьковская правозащитная группа, Киев–Харьков 2007, с. 192–199].
- Bracher K.D., *Totalitarism*, in: P.P. Wiener (ed.), *The Dictionary of the History of Ideas*, 1974, Vol. 4, p. 407.
- Brodskij I., *Razmyshleniya ob ischadii ada*, in: I. Brodskij, *Sochineniya Iosifa Brodskogo*, t. VII, <<https://pub.wikireading.ru/53768>> [И. Бродский, *Размышления об исчадии ада* // И. Бродский, *Сочинения Иосифа Бродского*, т. VII, <<https://pub.wikireading.ru/53768>>].
- Brodskij I., *Geografiya zla*, “Literaturnoe obozrenie” 1999, no. 1, pp. 4–8, <http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=667> [И. Бродский, *География зла*, “Литературное обозрение” 1999, № 1, с. 4–8 <http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=667>].
- Сувиński В., *Szańce kultur. Szkice z dziejów narodów Europy Wschodniej*, Centrum Europejskie Natolin, Wydawnictwo Trio, Warszawa 2013.
- Dostoevskij F., *Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomakh*, Nauka, Leningrad 1973, t. 6 [Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1973, т. 6].
- Dostoevskij F., *Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomakh*, Nauka, Leningrad 1974, t. 10 [Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1974, т. 10].
- Dostoevskij F., *Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomakh*, Nauka, Leningrad 1976, t. 14 [Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1976, т. 14].
- Dostoevskij F., *Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomakh*, Nauka, Leningrad 1981, t. 22 [Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1981, т. 22].
- Dostoevskij F., *Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomakh*, Nauka, Leningrad 1983, t. 25 [Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1983, т. 25].
- Dostoevskij F., *Polnoe sobranie sochinenij v tridcati tomakh*, Nauka, Leningrad 1985, t. 28 (1) [Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Наука, Ленинград 1985, т. 28 (1)].
- Jones J., *Fyodor Dostoevsky's Crime and Punishment*, <https://www.youtube.com/watch?v=7ZIB2t_fkKE>.
- Kantor V., *O soshedshe s uma razume. K ponimaniju kontrutopii E.I. Zamyatina “My”*, “Slovo/World” 2011, no. 72, <<http://magazines.russ.ru/slovo/2011/72/ka15.html>> [В. Кантор, *О сошедшем с ума разуме. К пониманию контр утопии Е.И. Замятина «Мы»*, “Слово/World” 2011, № 72 <<http://magazines.russ.ru/slovo/2011/72/ka15.html>>].

- Капуściński R., *Magadan, pierwsze przybliżenie*, "Gazeta Wyborcza", nr 268, wydanie z dnia 14/11/1992, s. 10.
- Kovtun N., *Russkaya literaturnaya utopiya vtoroj poloviny XX veka*, Tomskij gosudarstvennyj universitet, Tomsk 2005 [Н. Ковтун, *Русская литературная утопия второй половины XX века*, Томский государственный университет, Томск 2005].
- Lanin B., *Voobrazhaemaya Rossiya v sovremennoj russkoj antyutopii*, in: T. Mochizuki (ed.), *Beyond the Empire. Images of Russia in the Eurasian Cultural Context*, Hokkaido University, Sapporo 2008, pp. 375–390 [Б. Ланин, *Воображаемая Россия в современной русской антиутопии* // Т. Mochizuki Tetsuo (ред.), *Beyond the Empire. Images of Russia in the Eurasian Cultural Context*, Hokkaido University, Sapporo 2008, с. 375–390].
- Levicki G., *Dostoyevsky extended: Aldous Huxley on the Grand Inquisitor, Specialisation and the Future of Science*, "Kultura i Polityka [Culture and Politics — Tischner European University Papers]" 2008, no. 2–3, pp. 210–233.
- Lobb E., *The Subversion of Drama in Huxley's Brave New World*, "The International Fiction Review" 1984, no. 11 (2), pp. 94–101.
- Przybylski R., *Dostojewski i „przeklęte problemy”*, Wydawnictwo: Sic!, Warszawa 2010.
- Saraskina L., *"Besy": roman-preduprezhdenie*, Sovetskij pisatel, Moskva 1990 [Л. Сараскина, *«Бесы»: роман-предупреждение*, Советский писатель, Москва 1990].
- Saraskina L., *Dostoevskij v sozvuchiyakh I prityazheniyakh (ot Pushkina do Solzhenicyuna)*, Russkij put, Moskva 2006 [Л. Сараскина, *Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына)*, Русский путь, Москва 2006].
- Saraskina L., *Dostoevskij*, Molodaya gvardiya, Moskva 2013 [Л. Сараскина, *Достоевский*, Молодая гвардия, Москва 2013].
- Shestov L., *Zhar-pticy. K kharakteristike russkoj ideologii*, "Znamya" 1991, no. 8, pp. 189–193 [Л. Шестов, *Жар-птицы. К характеристике русской идеологии*, "Знамя" 1991, № 8, с. 189–193].
- Shestov L., *Dostojevskij i Nicshe (filosofiya tragedii)*, in: L. Shestov. *Apofeoz bespochvennosti*, Ripol Klassik, Moskva 2000, pp. 308–451 [Л. Шестов, *Достоевский и Ницше (философия трагедии)* // Л. Шестов, *Апофеоз беспочвенности*, Рипол Классик, Москва 2000, с. 308–451].
- Wroński P., *Krótkie dzieje Polaka katolika*, "Gazeta Wyborcza, Magazyn", nr 25 (143), wydanie z dnia 21/06/2001, s. 6.